

(Москва, Серебряный Бор, нудистский пляж, наше время.) — —

----- Было очень жарко и скучновато. Мужчины, снующие вокруг неё, уже начали напрягать, несмотря на то, что только ради их внимания и ровного загара она пришла так рано на это место. Хотя особи мужского пола, вдоволь насмотревшись на неё, подыскивали себе новый объект, но нет-нет, находился какой-нибудь дебил, который, совсем потеряв стыд, нагло, практически в упор, располагался между её ног и смотрел, смотрел, смотрел, без перерыва. Смотрел так, что самой Светлане становилось неудобно, но не оттого, что он таращится, а оттого, что она позволяет это делать. А она позволяла, ведь за просмотр, как и за спрос, денег не берут. В такие моменты её одолевали совершенно противоположные чувства: совершенно необъяснимое чувство востребованности, будто ты являешься какой-то уникальной моделью, которую, словно на выставке, разместили на пляже для всеобщего созерцания, с другой — чувство досады и унижения, будто бы ты и не человек вовсе, с которым нужно считаться, а всего лишь средство для удовлетворения своих низменных желаний. Особенно были неприятны деды, с запущенным и обрюзгшими телами, и такими же запущенными гениталиями. Почему-то именно они считали, что вправе бесцеремонно разглядывать молодую красотку, чуть ли не в упор, при этом, не стесняясь теребить свои, давно не встающие, писюны. За два часа, проведённые здесь, она успела показать им всё, чем так щедро одарила её природа: и вагину, и анус, и даже влагалище, но им этого было мало, они всё лезли и лезли, как лезут маленькие детишки к клетке с обезьянкой в зоопарке. Зато сегодня, она впервые выставила, на всеобщее обозрение, свою заветную кнопку — клитор, решив это сделать ещё со вчерашнего вечера. Ей приходилось, почти постоянно, держать раскинутыми ноги, чтобы половые губы не скрывали его. Зато он получил свою порцию мужского внимания и солнечных лучей, а его хозяйка кучу положительных эмоций и приятную истому внутри. Мало сказать, приятную истому, она давно вся текла, и опытному наблюдателю были хорошо видны разводы на её полотенце и следы выделений, блестящих на гениталиях. А ощущения были необычными и острыми: будто ты лежишь не просто голой, а суперголой, обнажённой до предела, почти до самого своего естества, и этот холодок, холодок от лёгкого утреннего ветерка, ласкающего эту малюсенькую пипку, которая становится совсем не малюсенькой под «присмотром» посторонних взглядов и вождедеющих мыслей его обладательницы.

Демонстрировать себя ей наскучило, но возбуждение ещё не прошло, и ей чего-то хотелось... Светка купалась уже три раза, и собиралась окунуться в четвёртый, когда на горизонте показались алые паруса большого двухмачтового брига.

«Везёт же некоторым», — подумала она, внимательно вглядываясь в корабль, плавно идущий вдоль нудистского пляжа. С каждым мгновением он становился всё больше. Это был большой, добротный корабль, недавно выкрашенный, сверкающий белизной бортов и хромом металла; исключительную пикантность ему придавали алые паруса, в этом было что-то из детства, романтическое и таинственное. Яхта сбавила ход и почти остановилась напротив того места где она загорала. Через секунду толстая якорная цепь стремительно пошла под воду. Ей было любопытно, что заставило капитана пристать именно здесь? Со своего места она видела на палубе корабля большое скопление мужчин, человек пятнадцать

или больше. Все они были в брюках и белых рубашках. «Странная одежда для жаркого субботнего дня, — подумала она, — Эти дядечки обязательно должны на меня посмотреть». И встав, покачивая бёдрами, молодая женщина плавно подошла к кромке воды. Теперь между ней и людьми, стоящими на палубе было не более тридцати метров.

Светлана отчётливо различала и выражение лиц, и направление взглядов мужчин. Она знала, что вся её фигура, освещённая прямыми лучами солнца видна им, как на ладони. Она опять испытала чувство необычайного возбуждения, которое часто посещало её в самые неподходящие моменты. Все, кто находился на яхте, смотрели только на неё, голую, стройную блондинку, стоящую на берегу. Вдруг она, сама не зная почему, помахала им. Ей ответили... Ещё не имея никакого плана действий, нагая девушка резво прыгнула в воду... Она подплывала всё ближе и ближе, каких-то пять метров оставалось до кромки борта, и... , и она повернула обратно. — Девушка, хотите вкусного мороженого и французского шампанского, — громко, на весь пляж, прозвучало с палубы. Светлана вздрогнула от казённого, усиленного микрофоном, голоса. — Плывите к нам, мы вас не тронем, не бойтесь, — также, через рупор, последовала фраза.

— А я не боюсь. Ещё ни разу в жизни с ней не знакомилась через громкоговоритель, в этом было что-то торжественное и официальное. Светка перестала отгребать от корабля и остановилась, раздумывая, как поступить. С одной стороны, она голая, без одежды, окажется на корабле, где так много мужиков, а с другой — шикарная яхта, импозантные интеллигентные мужчины, музыка, веселье, французское шампанское... К тому же продемонстрировать себя голышом, перед столькими взглядами — это так завораживает... — Ну, так что же вы? Решайтесь, мы вас не съедим... Авантюрный характер победил природную осторожность: сделав пару энергичных гребков, она оказалась у металлического трапа, спускающегося прямо в воду. Её мгновенно подхватило несколько мужских рук, и она очутилась на палубе. Светлана сделала несколько шагов своими босыми ногами от борта, оставляя тёмные, мокрые следы на светло-серой палубе, и остановилась. Мужчины стопились вокруг, во все глаза разглядывая эту смелую девушку, которая, ничуть не стесняясь своей наготы, стояла и спокойно выжимала руками свои светлые волосы.

— И как же вас зовут, русалка? — обратился к ней мужчина лет сорока в белой косоворотке и кепке, стилизованной под фуражку капитана. Это был тот же человек, который разговаривал с ней через рупор. Действительно, девушка была похожа на русалку или сирену, а если быть точнее, на Афродиту, только что вышедшую из морской пучины к людям. — Светлана, — ответила блондинка, слегка улыбувшись, и опустила глаза. Её немного трясло от волнения, которое она пыталась скрыть за улыбкой, которая почти не сходила с её лица. Девушке нравилось стоять, словно на витрине, и демонстрировать своё обнажённое тело этим незнакомым людям. Любопытство и неизвестность манили, возбуждали её. — А я Михаил, Михаил Сергеевич... Проходите, Светлана, милости просим к нам на корабль. Чувствуйте себя как хозяйка. Сегодня вы наша королева.

Мужчина провёл голую девушку сквозь толпу, и усадив в белый шезлонг, сам налил ей в бокал шампанского, из бутылки, стоящей в ведёрке со льдом. — Светлана, а что, если я вам предложу прокатиться вокруг острова? Это займёт не больше получаса, — предложил господин в фуражке, и, как оказалось, владелец корабля, — Обещаю, мы вас вернём в целостности и сохранности. — Пожалуй... , я не против, — не без колебаний ответила она. Света отхлебнула шампанского и игриво улыбнулась. Если бы она могла знать, что эти тридцать минут

превратятся в долгие одиннадцать мучительных часов... — Капитан, отчаливаем, — прокричал Михаил...

На палубе играла музыка, мужчины, стараясь делать вид, что присутствие голой женщины на корабле в порядке вещей, но, то и дело, поглядывали на неё с любопытством. Особенно это было заметно, когда она смотрела мимо них на берег, или прикрывая, от слепящего солнца, ладонью глаза, всматривалась в искрящиеся далёкий горизонт. Вот тогда мужские взгляды прямо впивались в неё, исследуя, словно лапая взглядами, её тело. Светка полусидела в шезлонге и смаковала шампанское. Волнующая истома разливалась по телу, голова слегка кружилась от алкоголя. Вскоре ей наскучило играть в «гляделки», и она, попросив у капитана солнечные очки, одела их. Теперь никто не мог видеть, куда она смотрит, а она могла наблюдать за тем, как пассажиры яхты, из-под тишка, подсматривают за ней. Эта безмолвная дуэль глазами заводила. Блондинка вытянула ноги, и растянувшись на шезлонге, предоставила новую пищу мужским взорам, демонстрируя гладкий, блестящий лобок, напроочь лишённый растительности. Она догадывалась, что созерцание возбуждающей красоты её вагины, не оставит равнодушным никого. Так и было. Теперь их жадные взгляды всё чаще и чаще задерживались на том месте молодой женщины, откуда зарождается жизнь. А корабль, тем временем обогнув береговой уступ, вошёл в узкий проход, соединяющий реку с огромным рукотворным заливом, который ранее являлся карьером и служил источником песка для строящейся Москвы. Лежать под прямыми лучами августовского солнца было жарко, Света встала и подошла к борту, тут было прохладнее. Берега реки и протоки были усеяны отдыхающими. Яхта, с алыми парусами, была в центре внимания загорающих, а центром внимания на ней была обнаженная красотка, бесстрашно стоящая у правого борта. И народ на берегу бурно реагировал на неё, кто как мог. — Вам, наверное, не раз говорили, что вы бесподобны, — произнёс, подошедший к ней Михаил, и легонько провёл рукой по её горячей загорелой спине. Девушка не воспротивилась этой ласке, продолжая стоять в прежней позе, всматриваясь вдаль. Ветерок развивал её волосы, в этот момент она была особенно обворожительна. — Спасибо, — вежливо ответила она на комплимент.

— А кем вы работаете? Наверное, фотомоделью? — Нет, я простой стилист, работаю в Доме Правительства, — с гордостью ответила девушка. Она реально гордилась своим местом работы, и всегда старалась подчеркнуть это. — В Доме Правительства, это прекрасно. А что, если я вам предложу очень хорошую, высокооплачиваемую работу? — мужчина опустил руку на упругие ягодицы женщины. Лёгким движением таза Света сбросила руку Михаила, давая понять, что не намерена переступать барьер сближения, по крайней мере, сейчас.

— Какую же? — поллюбопытствовала она, и повернувшись к нему лицом, облокотилась на толстые канаты бортов корабля. Теперь они смотрели друг другу в глаза. Девушка с вызовом и кокетством, ещё не осознавая, что перед ней лев, готовый её съесть, а мужчина, с покровительственной улыбкой, человека, привыкшего от жизни брать всё, что ему захочется. — Работа не пыльная, но денежная. Вам придётся обслуживать гостей этой яхты, — Михаил легонько дотронулся до соска девушки и провёл пальцем по животу до места, где смыкаются половые губы, — 500 долларов в день, — добавил он и пристальнее посмотрел блондинке в глаза, при этом его указательный палец достиг входа в горячее мокрое отверстие влагалища. — Да за кого вы меня принимаете? — вспыхнула Светлана, отталкивая его руку, — Вы хотите, чтобы я работала шлюхой? Нет! Оставьте свои предложения другим дамам, — уже более сдержанно произнесла она. Светка не хотела конфликта, тем более она была одна, без вещей,

вдали от дома и друзей.

— Хорошо, 1000 долларов за несколько часов работы. Подходит? — И не тысяча, и не десять тысяч. Я не проститутка, у меня ребёнок и муж... — Муж ничего не узнает. Всё будет прилично, никаких синяков ссадин и тому подобное... — Да вы что, издеваетесь? — девушка огляделась. Стопившиеся вокруг люди внимательно слушали их диалог. А их лица явно свидетельствовали об их заинтересованности положительным исходом разговора. Возможно, она позволила бы Михаилу трахнуть её, даже бесплатно; не такая она наивная дура, чтобы не знать, зачем красивеньких девушек катают на кораблях, но такое непристойное предложение на глазах у всех? Нет, её самолюбие это вынести не могло... Но было поздно, давно уже поздно. Хотя она поняла это только сейчас; поняла, что совершила роковую ошибку, тогда, когда поднялась на этот корабль; что эти люди изначально имели определённые виды на неё, а если не на неё, то на её тело уж точно.

По её спине пробежал холодок страха, колени охватила дрожь: — Я хочу обратно, отвезите меня на берег, — сделала она попытку предотвратить неотвратимое, — Вы же обещали, что со мной ничего не случится. Да, обещал, — Михаил со злой улыбкой посмотрел на девушку, — но обстоятельства изменились, ты уж извини, но мы меняем курс. Он резко сменил обходительный тон на нагло-покровительственный, переходя с ней на ТЫ. Светка поняла, что влипла в очередную историю, за тридцать лет своей жизни так и не научившись осторожности и осмотрительности. Поверив, что богатые не могут быть подонками, она в очередной раз ошиблась. Сколько же можно учиться на своих ошибках. Девушка стояла и испуганно озиралась как загнанный оленёнок, припёртый к обрыву над пропастью. Ей сразу стало плохо, голова кружилась, она дрожала всем телом.

— Но у меня там вещи, меня дому ждут, — с мольбой в голосе запричитала она, всё ещё надеясь на чудо. Но чуда не произошло: — А мне плевать, лучше помалкивай. Завтра я женюсь, и не хочу, чтобы кто-нибудь испортил мой мальчишник, — мужчина больше не церемонился с ней. Светлана посмотрела на берег: «Сколько до него? Может быть можно будет доплыть?» Но он неумолимо отдалялся; корабль выходил в залив. — Ну, не ломайся ты. Деньги хорошие, — он взял в ладони упругие груди девушки и несильно сжал. Девушка обречённо посмотрела за борт, под которым белыми барашками разбегались волны, рассекаемые носом яхты. — А если нет? — она всё ещё пыталась найти выход из ситуации, не понимая, что уже обречена.

— Если нет, то... — Михаил кивком головы показал на бурлящую воду за кормой. Неожиданно для всех Светка вывернулась из рук мужчины, сделала три размашистых шага к проёму у трапа и прыгнула за борт. Холодная вода сомкнулась над головой. В глубине было тихо и спокойно, над ней светлело летнее небо, а где-то вдалеке белела корма, уходящего от неё, судна. Она вынырнула на поверхность. Яхта сбавила ход и разворачивалась. Девушка поплыла, что было сил, к ближайшему берегу, но он был далеко, очень далеко...

Её, всю дрожащую, почти выбившуюся из сил, словно большую рыбину, вытащили на палубу. Голая девушка лежала на тёплых досках, в окружении «приличных дядечек» в белых рубашках, и стучала зубами от страха. Её загорелое тело, покрытое капельками воды, резко контрастировало с белизной бортов и палубой корабля. — Маль-Чиш-Ник начинается! — крикнул в рупор капитан, крупный, уже пожилой мужчина, с обильной сединой на висках. Грянула музыка, все засуетились. Кто расстёгивал рубашки, кто стаскивал ненавистные ботинки. Торжественная часть закончилась, начиналось веселье. Необузданное пьянство,

сигары, кальян и девушка на десерт — все удовольствия современного общества. Компании предстояло до самого вечера пить, есть и веселиться. А самый ценный приз, самый желанный предмет веселья лежал, распластавшись на палубе, и трясся в ужасе перед грядущим...

Михаил подошёл к, находившейся в центре разгорающегося веселья, беглянке: — Ты же не хочешь мне испортить праздник, ведь правда? — произнёс он ласковым, покровительственным голосом. — Не хочу... Но... , Светке не дали ответить: — Не хочешь, так молчи. Она закусила язык, ей так стало страшно, страшно находиться во власти этого богатого человека. — Ладно, пошли, — он протянул ей руку. — Куда? — Сама знаешь, куда... Светка знала... Она протянула дрожащую руку, а он галантно поднял её с палубы и повёл, поддерживая за талию. Светлана не шла, а семенила за мужчиной в белой косоворотке, за «пиратом», уводящим свою законную добычу в свою берлогу, не смея поднять глаз от палубы, по которой ступали её босые мокрые ноги.

Её ягодицы сотрясались от каждого шага, полушария груди раскачивались, распаяя воображение присутствующих. Страхом и отчаянием были наполнены её глаза. Но никто не остановил их, мужчины с многозначительными улыбками провожали хозяина вечеринки, увлекающего свою жертву в бездну разврата. Ей было стыдно и страшно. Но, в данной ситуации, такой расклад был для неё не самым худшим, зато потом... Она не представляла себе, через какой ад ей ещё предстоит пройти. Что с ней произошло на той яхте она, никому никогда не рассказывала. За свою беспечность и наивность она заплатила слишком высокую цену. Уже смеркалось, когда корабль появился у берега, с которого, более десяти часов назад, «пираты» увезли «живой товар». Алые паруса бесшумно скользили по мертвенной глади вечерней воды, нарушая её покой. Плеск от волн приближающегося судна был почти не слышен. Яхта была почти пуста, пьяная, разгульная вечеринка бушевала уже в другом месте. Со скрежетом и лязгом якорная цепь ушла под воду, с борта корабля была спущена шлюпка, в которой сидело два человека.

— Ну вот, доставил, в целости и сохранности, как велел Михаил Сергеевич, — произнёс человек в тельняшке и чёрно-белой бескозырке, протягивая руку девушке, и помогая выбраться из лодки, — А это от него вам подарок, — матрос протянул ей пять, согнутых пополам бумажек, с ликом Американского президента. Светка машинально сжала протянутые купюры в ладони, и перешагнула через резиновый борт. «А вода ведь теплая!», — подумала она, взбираясь на крутой берег, слыша за спиной плеск вёсел отчалившего ялика. На берегу было пустынно, вокруг не души. Она рассеяно осмотрелась, её вещей, естественно, не было. Футболка, юбка, телефон, шлёпанцы, кошелек с мелочью — теперь имели другого хозяина. ... Весь прошедший день пронёсся перед ней калейдоскопом, будто кто-то, периодически отключал и включал сознание. Шампанское, секс, снова шампанское, снова секс. Очередь, да живая очередь к её телу.

«О боже, неужели это была я?» Но стыда за себя она не испытывала; жалость, несправедливость судьбы к ней, и презрение, холодное презрение, без злобы, к тем, кто сейчас далеко, и продолжает веселиться, для кого ценность человека ничего не стоит — такие чувства не покидали её сейчас. То, что проделывал с ней Михаил на кровати в каюте, было жалкими потугами младенца, удовлетворяющего своё раздувшееся эго. Один на один с ней он был никакой.

— Соси! Соси сучка! — рычал он, будто она несёт вину за, постоянно падающий, его конец. И она сосала, стоя на четвереньках в небольшой, роскошно обставленной каюте, с двумя

иллюминаторами по бортам, проявляя всё своё мастерство, чтобы пробудить его. Она старательно облизывала и ласкала его вялый фаллос, стремясь угодить своему тюремщику. В каюте было жарко, дрожь постепенно утихла, занятая процессом, она потихоньку отходила от шока. Светик готова была весь день ублажать своего «хозяина», исполнять любые его прихоти, лишь бы не выходить из этой каюты, лишь бы не достаться на «съедение» возбуждённой толпе, дожидаящейся её. Но избежать этой горькой участи ей не удалось. Разве для этого она холила своё тело; гимнастика, фитнес, бассейн, массаж, педикюр, эпиляция, солярий и прочие женские хитрости, сделавшие её тело таким желанным и соблазнительным. Соблазнительным для всех, но доступным для одного, любимого, а не для алчущей толпы пьяных самцов, которые видят в ней лишь предмет удовлетворения своих страстей.

Наконец, обоюдными усилиями, им удалось поднять это «чудо природы». Светка даже немного возгордилась собой, ведь это, благодаря её стараниям, её опыту, её ласкам, восстал могучий богатырь. Она водрузилась на него и стала выполнять свою природную функцию, старательно изображая экстаз. И ей удалось, она заставила его кончить, еле успев соскочить с его члена за мгновение до семяизвержения. Но вместо благодарности за свои труды, вместо ожидаемых ласк на кровати, Михаил бесцеремонно вытолкнул её из каюты на потеху своим друзьям и приятелям. Девушка ещё не оправилась от шока и яркого солнечного света, когда её оторвали от закрытой двери каюты и куда-то потащили. В памяти всплывали мутные отрывки произошедшего, как в тумане проплывали образы и эпизоды...

«Надо было соглашаться на секс с догом этого подонка, хозяина, прямо там, на палубе, на виду у всех. Какая уже была разница, кто меня имеет: человек или собака», — так думала она, «И одежда была бы, и деньги... Как его разозлил мой отказ, он просто рассвирепел, и, наверное, ударил меня, если бы не присутствие друзей. Но я не смогла бы, я с детства боюсь больших собак... С другой стороны, большое количество народа ведь было мне на руку. Всё же мои физические возможности ограничены, и всё, что они получили от меня, упиралось только в них. Ведь у женщины только три дырки, и как её не крути, больше трёх, нет, пятерых за раз она не сможет... « — у Светланы в голове всплыла картинка, в которой её имело одновременно пять членов: два в рот, два во влагалище, так называемым, двойным проникновением, и ещё один — в анус; при этом ещё по члену она держала в ладонях, но они были не в счёт. Остальные толпой стояли над этой композицией и драчили:

«Если бы не столько народа, наверное, секс бы был более грубый и жестокий, да мало ли что могло случиться... « — Светка закрыла глаза и тяжело вздохнула. В голове её снова замелькали картинки прошедшего дня: члены, кругом мужские члены, торчащие, тычущиеся ей в лицо, рот, уши; извергающие густые потоки спермы, запах которой она до сих пор чувствовала на себе. «Почему они запретили мне вытираться, почему я должна была весь день провести перемазанная этими липкими, дурнопахнущими мужскими выделениями? Извращенцы!» — Она всхлинула, слёзы сами покатались из глаз, прорубая солёные дорожки на щеках, покрытых высохшим мужским эякулятом. Ей было жалко себя, замерзающая девушка села на корточки, и обхватив руками колени, зарыдала.

Проведя в позе эмбриона какое-то время, она немного успокоилась. Ничего предпринимать не хотелось, но молодая женщина пересилила себя и встала, трясась от холода, её голое тело покрывали мурашки. Теперь ей предстояло раздобыть какую-нибудь одежду, смыть с себя

этот гадкий запах и как-то добраться до дома. Светлана потрогала пальчиками левой ноги ночную воду. Мелкая рябь в виде концентрических полуокружностей прошла по воде, прошла и затихла. Создалось впечатление, будто вся природа наблюдает за действиями обнажённой русалки, наблюдает и сочувствует. Девушка медленно вошла в воду, она была теплее чем, остывший за вечер, воздух. Прикосновение её к коже было приятно. Вот колени оказались в воде, вот ягодицами она почувствовала, как приятно обволакивает её ночная река, вот грудь ощутила её мокрое прикосновение. «А может быть идти и идти, идти, не останавливаясь, и, сделав глубокий выдох, перед тем как вода сомкнётся над головой, резко, что есть силы вдохнуть, впуская в свои лёгкие смерть?»

Она нырнула. Расслабленное тело, какое-то время падало вниз, но потом неведомая сила потянула её обратно, к поверхности. Первое, что она увидела, были звёзды: маленькие, белеющие точки, миллиардами рассыпавшимися по небу. Как же они были красивы, как гармонировали с тишиной и покоем этой ночи.

«Нет, что за глупые мысли лезут в мою голову. Этот мир так прекрасен, и даже несколько подонков ни за что не смогут отравить его существование. Всё забудется, всё стерпит, всё, в конце концов, будет как прежде. « — так думала она, уплывая от берега в темноту. Деревья растворились в ночной мгле, и как ей показалось, она осталась одна, одна на этой земле. Ей немного стало страшно. Доплыв до середины, девушка легла на спину, и устремила взгляд на, бесконечно далёкие, небесные тела. Тут она не так остро ощущала боль и отчаяние, река лечила её растерзанную душу. К ней пришёл покой, покой который заполнил её всю, от мизинцев до кончиков волос. Она чувствовала, как она измотана, как болит её измождённое тело... Вдруг ей захотелось есть: просто взять большую свежую булку, жевать и запивать сладким чаем. С этим желанием она выбралась на берег. Но спутанные мокрые волосы беспокоили её больше. Даже в такой момент она не забыла, что женщина должна хорошо выглядеть в любой ситуации.

Она вернулась к воде, и стоя в ней по пояс, стала тщательно вымывать из них всю ту гадость: грязь, мужской пот и сперму, которой они пропитались за долгий день. Теперь она более-менее была чиста, но новая напасть — холод, одолела её. Стремясь сохранить тепло, обняв себя руками, девушка выбралась из прибрежного перелеска.

Город спал. Ступая, окоченевшими ногами по остывшему асфальту, дрожа и озираясь, Света пробиралась по палисадам и дворам к знакомому дому, в котором, а в этом она не сомневалась, её всегда примут в любом состоянии. Теперь, когда страх и стресс оставили её, она в полной мере ощутила последствия своего опрометчивого поступка. Каждый шаг давался с трудом, при каждом движении тупая боль в области таза, напоминая о мучениях прошедшего дня. Воспоминания терзали её: «Как же так случилось, что несмотря на категорический отказ, на мольбы и просьбы, несмотря на то, что я, безропотно, отдала своё тело в пользование этим ублюдкам, они всё равно надругались над ним. Ни сопротивление, не кричи, ни мольбы о пощаде, ничто не действовало на них.

Эти скоты, жестоко и бесцеремонно, насильовали меня, как будто проделывают это каждый день, растянув прямо на палубе, привязав руки и ноги, корабельной пенькой к бортам. А моя бедная попа, сокровенное отверстие, которое я не доверяю никому, даже любимому... Как болезненно реагировал раздраемый анус, как жгло сфинктер, когда первый член прорвался

в мою бедную дырочку, какие невыносимые муки он причинял, пока не кончил. И почему мужчины так любят трахать в задницу? Разве им мало вагины или рта? Наверное, это пережитки ещё тех далёких времён, когда, на заре цивилизации, обладание женщиной ассоциировалось с полным подчинением её своим желаниям, а обладание красивой женщиной, да ещё против её воли, да ещё в то место, которое является своего рода табу — означало автоматическое повышение ранга в стае или племени».

Мы не будем упоминать кто, сколько и как, морально «повышал свой ранг» на той яхте, но накачана Светка была спермой под завязку, можно было сказать: «её было столько, что уже из носа капало». И сейчас, жжение в желудке постоянно напоминало ей о пережитом. Об этом не хотелось думать, но как избавиться от этих мыслей, как стереть эти страшные воспоминания и образы... «Вспомнить хотя бы эту идиотскую игру, в которой эти гады своими фаллосами отвешивали мне щелбаны, кто сильнее... Или, затея Михаила, измерять длину членов по глубине проникновения их в моё горло, отмечая шариковой ручкой чёрточки, прямо на моей шее. Помню даже победителя, рыжего, долговязого, мерзко пахнущего парня, который своим длинным концом почти достал мне до желудка. Кстати, не хилый приз он получил за это, кажется спортивный мотоцикл... А мне ничего, ведь я вещь, гимнастический снаряд для упражнений. Они запикивали в меня свои члены с таким остервенением, будто сами хотели пролезть в меня с головой. Хорошо хоть у меня нет глотательного рефлекса, а так было бы ещё хуже. Мне до сих пор не по себе от произошедшего, в горле ад, наверное, придётся обратиться к врачу.

А сколько ящиков шампанского они уничтожили. Такого изобилия спиртного я никогда не видела. Пробки летали, как пули в Сталинградской битве. Да и в меня было влито немало, причём с обеих сторон: как сверху, так и снизу. Интересную они поилку придумали — пить шампанское из моей вагины. Чего только со мной не проделывали эти подонки... « — Пробираясь по улицам, молодая женщина всё вспоминала и вспоминала события прошедшего дня, а думать нужно было совсем о другом: как добраться до спасительного подъезда.

Прямо на пути возник тёмный силуэт мусорного бака. Это была городская помойка. Светка заглянула в него — ничего, только смрад и темнота. Нет, она не полезет в этот мерзкий приёмник отходов человеческой жизнедеятельности, да и вряд ли там найдётся что-либо из одежды. Придётся и дальше идти голой, благо, треть пути уже пройдена. Впереди виднелся мост, ярко освещённый уличными фонарями. Это был самый опасный участок дороги: зажатая, с одной стороны, оградой моста с другой — проезжей частью, на которой, к её счастью, не было ни одного автомобиля, Света быстро промчалась вперёд, навстречу темноте... Как только грязные пятки и белеющая попка растворились за поворотом, на дороге показался полицейский автомобиль. К счастью, водитель машины никого не заметил. Девушка остановилась, чтобы отдышаться, из кустов провожая глазами, проносящуюся мимо *audi*, сверкающую, как новогодняя ёлка, служебными фонарями и мигалками.

Во время перебежки она немного согрелась, молодой организм адаптировался, и умиленно вырабатывал тепло, стремясь согреть замерзающее тело. Светлана двинулась дальше. Её обнажённый силуэт: то мелькал на фоне тёмно-синего неба, подсвеченного полумесяцем, то, на мгновение возникал у стены, в отблесках окон жилого дома, то тенью от груди, с заострёнными кончиками, накрывал сереющий, в свете уличных фонарей, асфальт, то кошкой, на ночной охоте, грациозно крался мимо светящейся витрины ночного магазинчика.

То тут, то там мелькала её гибкая фигура. Девушка неумолимо приближалась к цели. Вот знакомый дом и подъезд, как всегда, освещенный одним тусклым фонарём, который периодически «моргает». «А ведь он до сих пор не исправлен. Уже сколько времени прошло?», — но, предаваться воспоминаниям не было времени. Беглянка пересекла двор... —

Это я, — услышал он знакомый, до боли родной, голос в коробке домофона. Сердце заколотилось, он нажал кнопку отпирающую дверь в подъезде... Он встретил её молча, даже не удивился, когда она голая, дрожащая, заплаканная, с коленками, покрытыми ссадинами, переступила порог его квартиры. Он понимал, что только чрезвычайные обстоятельства могли заставить её прийти сюда. И он радовался, что эти обстоятельства произошли, что он опять может видеть, трогать её, разговаривать с ней. Ничего не спрашивая, он включил горячую воду в ванной. — Менн... ня из... на... силл... ловали, — только смогла произнести она, стуча зубами, и опустилась в чугунную купель с набирающейся водой. А он знал, что она это скажет... — Может, позвонить в полицию? — Не надо, всё равно не помогут, — произнесла она отрешенным голосом.

Светлана полулежала в ванной, горячая вода наполняла силой её уставшее тело. Думать не хотелось. Вдруг мысль, словно молния, взорвала её мозг: «Деньги, доллары, где они?», — Теперь только эта мысль крутилась у неё в голове: «Неужели всё напрасно, неужели за все муки и унижения я не получу ничего? Как я могла их забыть? Вот растяпа? Ладно, бог даст, они вернуться ко мне. « — Светлане так не хотелось сейчас что-нибудь предпринимать, усталость и безразличие сковали её волю, и, решив перенести это дело на потом, она задремала. Женщина открыла глаза, от звука льющейся воды. Это он включил её, чтобы ванна не остывала. — Который час? — спросила она. — Около пяти, ещё темно, — произнёс он и добавил, — может быть тебе что-нибудь нужно? — Ничего. Мне скоро уходить. У тебя осталось что-нибудь из моей одежды? Он, ничего больше не спрашивая, молча исчез.

Светлана вылезла из мокрого тепла, как бы ей этого ни хотелось, и стала вытираться. Из запотевшего зеркала на неё смотрело утомлённое лицо с потухшими глазами. — Чуть не забыла, — Светлана лихорадочно намыливала шею, стирая ненавистные отметины с именами владельцев членов, побывавших у неё в глотке: Саши, Толи, Серёжи, Гриши... , и. т. д, и. т. д, и. т. д... — вся их мерзкая, безбашенная тусовка отметилась тут. — Вот! — показался он в проёме, держа в руках белоснежное пальто из тонкой шерсти, — Оно тебе коротко в рукавах, но всё же что-то. — Моё старое пальтишко. Отлично, как раз подойдёт, — произнесла она. От неё не ускользнуло то, как внимательно он рассматривает её обнажённую фигуру.

Аккуратно повесив полотенце на батарею, она медленно прошла на кухню, уверенная, что он не сводит глаз с её обнажённого торса. — Выпью чаю и пойду, — она сама поставила чайник, сама включила газ, достала две чашки из знакомого шкафчика. Сахарница стояла всё там же, в правом углу на полке, будто и не было долгих двух лет расставания, — Тебе налить? — Да пожалуй, — он не мог больше сдерживаться, и шагнув к ней, неловко приобнял её, прижав её грудь к своей. Она не отстранилась, не оттолкнула его, только отвернула голову, чтобы не встретиться с его губами, ищущими поцелуя. — Не надо. Ты же знаешь, всё кончено, всё осталось в прошлом, — обнажённая девушка дождалась, пока он сам расцепит руки и повернулась к закипающему чайнику.

Чай они пили молча, два голых тела, которые не могли быть вместе, сидели совсем рядом. От

такой близости с ней у него кружилась голова, кровь бурлила, сердце не могло унять бешеный ритм. — Мне пора, — она встала, и, на ходу натягивая пальто, направилась к выходу. — Куда ты, с мокрыми волосами, посиди ещё. На улице холодно. Утром пойдёшь, — он пытался найти аргументы, чтобы она задержалась. Но все его попытки были тщетны.

Она замерла на пороге. Стоя босыми ногами на паркете, в коротком пальтишке, на голое тело, открывающем голые колени, с мокрыми распущенными волосами, она выглядела шестнадцатилетней девочкой, только что попавшей под дождь. — Подожди... Вот!, — он достал из комода старенькие белые туфли. — А ты их ещё хранишь... Как мило, — она посмотрела ему в глаза, пытаясь разглядеть что-то, может быть то, что она не замечала раньше. Но его глаза были всё такими же холодными и неприступными, как всегда. — Да, храню, ведь это ТЕ первые туфли, которые я тебе подарил. У него возникло желание упасть на колени, обнять эти стройные ноги, умалять остаться... Но он сдержался, понимая, что это бесполезно... — Куда же ты, в пальто, летом? — только добавил он. — Ничего, пальтишко-то лёгкое, в самый раз для этой погоды... , — она шагнула за порог и приложила пальцы к губам, посылая воздушный поцелуй, — Спасибо за всё. — Может быть ещё чего... — Нет, ничего больше не надо, — она не дала ему закончить фразу, — Ещё раз спасибо. Прощай! — Прощай! — он застыл в проходе, пока автоматические двери лифта не поглотили её.

— — Утро уже наступило. Длинные тени домов накрывали улицу причудливым частоколом. Из подъезда, в рассвет, вышла милая загорелая блондинка, в белом пальто и туфлях на босу ногу. Будто и не было этого кошмарного воскресения... Знакомой дорогой она вышла в парк, и ступила на лесную тропинку, ведущую к берегу. Шпильки увязали в рыхлой земле, она, сняв их, засемила босиком, по холодной, покрытой утренней росой, траве. Вот знакомый поворот, за которым начинается «ТО» место. На берегу не души. Только белый туман поднимался над остывающей рекой. «Куда же они делись? Неужели они исчезли, исчезли в чьём-то счастливом кармане?» — Сердце радостно забилося при виде пяти скомканных купюр, сиротливо лежащих прямо на тропинке...

— — —